

МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА ЛАППО
(Новосибирск, Россия)

АЛИНА АЙЖАРЫКОВНА УРАЗБЕКОВА
(Будапешт, Венгрия)

**Интерпретация семантики и функционирования иноязычных
элементов в художественном тексте: лингвистический
и психолингвистический аспекты¹**

Аннотация: В статье анализируются результаты психолингвистического эксперимента, посвященного восприятию и пониманию иноязычных элементов польского происхождения. Устанавливаются закономерности интерпретации степени «чуждости» от типа предъявляемого заимствования (полонизм, экзотизм, вкрапление) и возможности идентификации его значения в контексте.

Ключевые слова: Полонизм, заимствованное слово, иноязычное вкрапление, восприятие и понимание, художественный текст, психолингвистический эксперимент

Механизм адаптации иноязычного слова, идиомы, любой другой единицы языка/речи включает в себя компонент восприятия и понимания, интерпретации его контекстного или ситуативно обусловленного значения. Исследователями отмечается «необходимость в комплексном изучении процесса освоения иноязычных новаций: в системе языка, с одной стороны, и носителями языка – с другой» (БОРИСОВА 2009: 5). Специального изучения заслуживает вопрос типологического изучения заимствований в соотношении со спецификой восприятия каждой группы слов. В свою очередь, восприятие и понимание текста – сложная система, в основе которой лежит идентификация лексических значений, «именно слово оказывается критической единицей сегментации текста, позволяющей проследить взаимодействие между означающими и означаемыми, между данным в тексте и извлекаемым из памяти» (ЗАЛЕВСКАЯ 2005: 306). Несмотря на то, что «роль слова в общении, в том числе в понимании текста, исключительно велика», она «не выяснена в достаточной

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-512-23003.

мере» (ЗАЛЕВСКАЯ 2005: 308). Данная статья посвящена анализу специфики интерпретации полонизмов и других элементов польского происхождения во фрагментах художественных текстов среднестатистическими носителями русского языка.

Польский язык оказал значительное влияние на русский язык. О заимствованиях из польского языка в русский в качестве полонизмов можно говорить уже в период с конца XIII, когда после распада Киевской Руси часть восточного славянства подпадает под культурное и административное влияние польского языка в отрыве от московского центра. По словам Я. К. Грота, еще М. В. Ломоносов заметил, что у нас много слов польского происхождения, которые «пришли к нам через сообщество и частые войны с поляками». Сам Я. К. Грот писал: «...надо прибавить, что нѣкоторыя изъ этихъ словъ мы приняли путемъ кievскихъ школь, развивавшихся, какъ извѣстно, подъ польскимъ вліяніемъ» (ГРОТ 1899: 464). В. В. Виноградов указывал на углубление взаимодействия между славянскими языками в XVII веке, когда польский язык выступал в роли поставщика европейских научных, юридических, административных, технических и светско-бытовых слов и понятий (ВИНОГРАДОВ 1956: 14). В XXI веке среднестатистическому читателю определить польское происхождение лексемы крайне сложно, потому что «польский вопрос» уже не стоит так остро, как прежде.

Художественный текст является важным источником материала нашего исследования, потому что, во-первых, именно в нем польские элементы используются гораздо шире, чем в других текстах – публицистических, учебных, научных, разговорных; а во-вторых, как писал В. В. Виноградов, «язык литературно-художественного произведения рассчитан на восприятие, понимание и оценку его в аспекте общенационального, общенационального языка» (ВИНОГРАДОВ 1959: 218). Кроме того, художественный текст – важнейшее пространство маркирования национально-культурной самоидентификации: «Стабилизация этнических стереотипов – комплекса представлений одной этнической группы о другой либо о самой себе (автостереотип) происходит прежде всего в литературе. Эти представления отнюдь не всегда совпадают с объективной исторической реальностью, а являются выражением убеждений данной группы» (ХОРЕВ 2000: 23). По мнению Ю. М. Лотмана, «в такой же мере, в какой художественный текст тяготеет к полиглотизму, художественный (и культурный вообще) контекст не может быть моноязычным» (ЛОТМАН 1992: 155). Исследование иностранных, в частности польских, элементов в русском языке актуально также потому, что такие элементы представлены в русском художественном тексте на протяжении веков в меняющемся, но существенном объеме.

Эксперимент, связанный с восприятием и пониманием иноязычных элементов польского происхождения во фрагментах художественных текстов XIX – XXI вв., проводился в период с конца 2020 по начало 2022

года, в нем приняли участие 95 студентов-филологов 1–2 курсов Новосибирского государственного педагогического университета. Испытуемым было предложено выявить и проанализировать разные типы иноязычных элементов польского происхождения, а именно, полонизмы (*поляк, пан, ксёндз, мазурка, сейм*), в том числе, экзотизмы, маркирующие реалии польской культуры и отсутствующие в российской действительности (*кляштор, хлоп*), а также лексемы с показателями грамматики польского языка (специализированные суффиксы, флексии). Помимо этого, в предложенных фрагментах текстов были использованы полные и частичные польские вкрапления, особенно широко распространенные как в русской литературе XIX в., так и в современной исторической прозе, описывающей тот период.

Вопросы и задания, предъявленные респондентам, можно разделить на три группы: 1) выпишите иноязычные элементы и определите их значение; 2) определите, из какого языка пришли данные элементы, и опишите маркеры данного языка; 3) выявите функции иноязычных элементов в художественном тексте. Из представленных к анализу 35 иноязычных элементов было выявлено 28 (80 %), при этом описано значение данных элементов в около 50% случаев, а адекватная идентификация смысла имела место в 85 % интерпретаций.

Все полонизмы, кроме лексемы *поляк*, респондентами были выявлены. Самоназвание жителей Польши, как мы видим, в принципе не воспринимается носителями русского языка как заимствованное из польского языка слово. Слова, заимствованные из польского языка, выписывались с разной степенью частотности: *ксёндз* – 73,7 %, *мазурка* – 58,9 %, *сейм* – 48,2 %. Было установлено, что на идентификацию лексемы как польского элемента оказывает влияние одновременно два ведущих фактора: явные фонетические признаки и опознание семантики слова. Респонденты отмечали фонетические маркеры у польского слова *ксёндз* (*наличие стечений согласных «кс», «дз»*) и верно или приблизительно определяли его значение (*польский католический священнослужитель, всякое духовное лицо / возможно, чиновники*); правильно указывали, что *мазурка* – это польский танец, и не выявляли специальных маркеров польскости; гораздо хуже знали слово *сейм*, его лексическое значение было дано в единичных случаях. Представляется, что лексема *сейм* занимает промежуточное положение между неэкзотизмом и словом-экзотизмом, поскольку использование понятия «сейм» в реалиях Российской империи носило временный характер (см. второй лексико-семантический вариант, указанный в Малом академическом словаре²).

² СЕЙМ, -а, м. 1. Название сословно-представительных учреждений в ряде стран в эпоху феодализма. 2. Русское наименование парламента в Великом княжестве Финляндском (в 1809–1917 гг.), входившем на правах автономии в состав Рос-

Выявление польских экзотизмов также прежде всего связано с их звучанием и значением. Так, лексема **кляштор** была указана в 80 % анкет. При этом респонденты указывали на его звучание, произношение: *более грубые слова, чем в русском языке, малогласие, но всё же некая схожесть наталкивают на мысль о происхождении этих слов как польских или украинских и белорусских*. В то же время сочетание «шт» могло спровоцировать неверную интерпретацию данной лексемы как немецкого слова: *кляштор – монастырь (скорее всего, из немецкого, я немецкий изучала)*. Значение слова *кляштор* ('монастырь') многие респонденты легко выявляли из предложенного контекста, на что указывали в своих комментариях. Гораздо реже как иноязычное было воспринято слово **хлопы**, его указали всего 5,2 % респондентов, при этом все выписавшие это слово посчитали нужным указать его значение (*так называли зависимых крестьян в Польше*). Очевидно, что польск. *хлопы* (chłopi) и рус. *холопы*³ имеют общеславянское происхождение, один праславянский корень, близкие значения в современных языках, в связи с чем *хлопы* с трудом определяется как иноязычный элемент.

Значение слова *пан* не вызвало затруднения у респондентов: *это вроде нашего помещика, барин, господин, хозяин, польский помещик, обращение к мужчине, вежливое обращение к мужчине польской национальности, польский титул, приставка к имени*. Однако интерпретация его происхождения не была однозначной. Как иноязычное слово лексема *пан* была определена всеми участниками, не отказавшимися ответить на соответствующий вопрос. При этом всего 26 % респондентов отметили слово *пан* как имеющее только польское происхождение, некоторые участники опроса определили *пан* как польское или украинское, сербскохорватское, украинское (более 20 %). Привычность звучания, широкая распространенность в ряде славянских стран способствует отнесению данной лексемы в группу с неявно выраженным языком-источником.

Результаты отнесения лексемы *пан* к словам польского происхождения согласуются с выводами ученых о спорном характере происхождения данной единицы языка. М. Фасмер фиксирует лексему, помимо польского, в украинском, белорусском, чешском, словацком, вехне- и нижнелужицком языках [ФАСМЕР 1964–1973]. Однако ряд учёных настаивает именно на польском языке как языке-доноре заимствования для русского языка. Так, среди полонизмов, прочно вошедших в терминологию дипломатического протокола XVI–XVII веков, Г. Милейковская отмечает и лексему «пан» [МИЛЕЙКОВСКАЯ 1984: 63], её же к заимствованиям

сийской империи. 3. Однопалатный высший орган государственной власти в Польской Народной Республике. [Польск. sejm] (МАС).

³ ХОЛОП, -а, мн. холопы, -ов и (устар.) холопя, -ьев, м. 1. В древней Руси: лицо, находившееся в зависимости по форме близкой к рабству. Кабальный холоп. Боярский холоп. Монастырские холопы. 2. Устар. Крепостной слуга (МАС).

из польского языка в русский относит Я. Белецка [BIELECKA 1993: 88], В. Шетэля [ШЕТЭЛЯ 2008: 161], БАС [БАС 1959: ст. 96–97]. Польское происхождение слова определяют и этимологические словари Г. А. Крылова [КРЫЛОВ 2005] и Н. М. Шанского [ШАНСКИЙ 2004].

Аналогично трактуются дериваты слова *пан* – *панич*, *панна*, *пани*. В то же время польские по происхождению словообразовательные дериваты *пан-ове* («господа», используется в роли обращения к мужчинам), *панна Котырл-увн-а* («дочь пана Котырло»), *пани Котырл-ов-а* («жена пана Котырло») носителями русского языка отмечены не были.

Как польское слово в единичных случаях была идентифицирована и лексема общеславянского происхождения *млеко* – 2 человека (2,1 %), другие респонденты указывали, что *млеко* – это сербское, старославянское, праславянское, украинское слово.

Таким образом, существенных различий при восприятии лексически освоенных слов и экзотизмов не имеется, что указывает на их онтологическую близость. Любое иноязычное слово обладает потенциалом занять как сигнификативную, так и денотативную лакуну в языке-приемнике.

Иные результаты показывает интерпретация респондентами польских вкраплений в предложенных фрагментах художественных текстов. Под иноязычными текстовыми вкраплениями нами, вслед за Ю. Т. Листровой-Правдой, понимаются слова, словоформы, словосочетания, предложения и более крупные отрезки текста, находящиеся за пределами системы языка, на котором создан текст. Данные элементы текста «испытывают влияние текста, в который они вставлены, вступают с ним в межъязыковой контакт» (ЛИСТРОВА-ПРАВДА 2001: 119). В русскоязычном художественном тексте используются полные, частичные и нулевые вкрапления (подробнее см. в (УРАЗБЕКОВА 2020)). Полное иноязычное вкрапление представляет собой включение отрезка речи на иностранном языке, например:

Обернувшись к отряду, убийца тонко крикнул непонятное:

– *Zsiadać! Rozkulbaczyć konie! Skrzesać ogniska! Rozbijemy obóz tutaj. Pod murem!*⁴ (АКУНИН 2017: 18).

Частичные иноязычные вкрапления могут быть переданы средствами русской графики:

– **Товарищу, дай пшепалиць**, – первым нарушает святость закона поляк и, закинув свою многозарядную французскую винтовку со штыком-саблей за спину, с трудом вытаскивает озябшими пальцами из кармана шинели пачку дешевых сигарет (ОСТРОВСКИЙ 2018: 618);

Поляк спускает с плеча винтовку и, поставив к ноге, делает «на караул», Корчагин услышал отчетливо:

– **Нех жие коммуна!** (ОСТРОВСКИЙ 2018: 673).

⁴ *Слезайте! Расседлать лошадей! Разжечь костры! Мы разобьем лагерь здесь. Под стеной!* (перевод с польского А. Уразбековой).

Нулевое вкрапление представляет собой перевод фрагмента текста, например, реплики персонажа на иностранном языке с указанием на этот язык:

*Друг! Под солдатской шинелью у него бьется созвучное колонне сердце, и Корчагин **отвечает тихо по-польски:***

– **Привет, товарищ!** (ОСТРОВСКИЙ 2018: 673).

Приведенный пример нулевого вкрапления не рассматривался респондентами как иноязычный элемент. Если же в тексте рядом с переводом автор считал нужным дать исходный текст на польском языке, то такое нулевое вкрапление идентифицировалось ими как иноязычное в 21,2 % случаев. См. следующий фрагмент:

У больного зашевелился живот, и он, болезненно улыбаясь, сказал:

– **Не укараулишь** (*nie dopilnujesz*) (КОРОЛЕНКО 1954).

Иноязычные вкрапления **дай пшепалиць, нех жие коммуна, пся крев** характеризуются высоким индексом «чужеродности», поскольку их указали соответственно 94,1 %, 72,9 % и 69,4 % респондентов. Как и в случае с собственно заимствованными словами, на вычленение частичных вкраплений как иноязычных элементов сильное влияние оказывает понимание читателями значений слов: смысл ‘дай пшепалиць’ (=дай закурить) выявляется из контекста (*с трудом вытаскивает озябшими пальцами из кармана шинели пачку дешевых сигарет*); смысл лозунга ‘нех жие коммуна’ (=да здравствует коммуна!) помогает определить общее содержание фрагмента и знакомое слово коммуна; идиома ‘пся крев’ дается в недостаточном для идентификации смысла контексте, однако внутренняя форма позволяет большинству провести аналогии с русским *пёсья кровь*.

Частичные иноязычные вкрапления – имена собственные (такие, как *Каспер, «Паненка Крыся»* и «*Жалоба мазура*») респондентами не указывались. См. данный фрагмент:

Потом Каспер под мандолину исполнил «Паненку Крысю» и «Жалобу мазура» (ШИШОВА, ЦАРЕВИЧ 2017: 110).

Невключение антропонимов и наименований песен в группу иноязычных элементов указывает на особое положение имен собственных в языковом сознании носителей языка.

И, наконец, у полных иноязычных вкраплений отмечается самый высокий индекс «чужеродности»:

95,4 % респондентов указали фрагмент *Zsiadać! Rozkulbaczyć konie! Skrzesać ogniska! Rozbijemy obóz tutaj. Pod turem!* (АКУНИН 2017: 18);

83 % – *Дуло глядело ему прямо в лицо. – Ponownie ty! Kim jesteś, ty pędzny psie? Сам ты пёс. Думаешь, что узнал. Нет, гадина, ты меня еще не узнал...* (АКУНИН 2017: 104);

83 % – *Hej! Co tam się dzieje? – To ja, Wilczek! – донеслось с той стороны. – Sprawdzam straże! – Говорит, проверяет караулы, – шепнула Бабочка. – Врет. Упал там кто-то* (АКУНИН 2017: 25).

Сравнивая первый фрагмент со вторым и третьим, мы видим, что важным фактором отбора иноязычных элементов для реципиентов является отсутствие перевода или других указаний на смысл реплики героя, или, наоборот, наличие указания на то, что его речь непонятна (*убийца тонко крикнул непонятное*). Наличие во фрагменте, в данном случае, в диалогическом единстве перевода реплики персонажа-иностранца (*Kim jesteś, ty nędzny psie? – Сам ты нёс; Sprawdzam strażę! – Говорит, проверяет караулы...*) снижает степень «чужеродности» элемента художественного текста.

Результаты восприятия включений польского происхождения демонстрируют общее правило, выведенное Ю. М. Лотманом: «Чем резче выражена непереводаемость кодов текста-вкрапления и основного кода, тем ощутимее семиотическая специфика каждого из них» (ЛОТМАН 1992: 159). При восприятии вкраплений различных видов отмечаются несколько иные закономерности. Главным фактором идентификации элемента как «чужого» является его графическая форма, использование средств польской графики. Действительно, яркими маркерами польских элементов в русском тексте служат особенности языка-источника, сохраняющиеся у лексем при их употреблении в русском языке. К ним в первую очередь относятся:

- носовые гласные, характерные для польского языка (*ą* и *ę*), которые в латиноязычном написании слов сохраняют традиционные подстрочные знаки (*Hej! Co tam się dzieje?*);

- широкое использование надстрочных знаков (точки – *ż, dź*; штриха – *ć, ś, ź, ń, ó, ź, dź*); а также буквы с диагональным перечеркиванием (*ł*);

- распространенное использование диграфов (*cz, dz, dź, dż, rz, sz* и *ch*), которые и в русскоязычной транслитерации передаются нехарактерными для языка буквосочетаниями (*дз, дж*) и иными скоплениями согласных.

Наличие в художественном тексте иноязычных элементов оказывает влияние на его оценку как сложного и нагруженного определенными задачами. Так, около 90% респондентов, определяя текст сложным, пишут, что их [иноязычные элементы] *сложно воспринимать и не всегда понятен смысл, сложно анализировать информацию на языке, которым ты не владеешь; многие читатели не знают польского; не смогу понять значение некоторых слов без словаря; текст полностью на иностранном языке, и нужно вдумываться в контекст и находить фразы, схожие с русским языком, чтобы понять значение и т. п.* Помимо незнания значения слов отмечаются большое количество иноязычных элементов, сложное произношение или иноязычная графика: *В таком большом количестве сложно что-то понять. Понятны только отдельные слова («кони», «огнишка», «обоз», «стража»), но о смысле отрывка приходится догадываться с той или иной степенью вероятности; Выделенные элементы тяжелы в произношении; Потому что имеют другие символы.* Другие респонденты (около 10%), наоборот, считают, что ничего сложного в пред-

ставленном материале нет. Приводятся следующие смысловые опоры, связанные как со знанием польского языка, так и с достаточным опытом чтения художественного текста: *Слова мне известны и понятны по значению; да в принципе без разницы, из-за человека, который отвечает на русском, все понятно; Слово не усложняет понимание, так как не несет научной нагрузки, лишь придает специфичности стилю, эмоциональную окраску.* Учитывая то, что многие респонденты приводили примеры значений верно распознанных слов и выражений, можно сделать вывод о том, что на восприятие текста как сложного оказало влияние общее количество иноязычных, в том числе польских, элементов в представленном к анализу материале.

Определение респондентами функциональной нагруженности иноязычных элементов в целом не вызывает затруднений, что – при сложности идентификации смысла полонизмов и высказываний на польском языке – указывает на то, что респонденты опираются на свой читательский опыт, приобретенный в течение всей жизни. Из 95 участников эксперимента лишь 7 человек (7,4 %) отказались дать ответ на вопросы «Зачем выделенные вами элементы были использованы автором? Как вы думаете, какую функцию в тексте они выполняют?». Наиболее распространенным ответом явилось указание на создание национального колорита, эту функцию отметили 35,8 %: *для создания колорита описываемых местности, времени, людей; благодаря использованию подобных слов, автор приближается к культурной атмосфере описываемой страны и др.* К частному проявлению создания национально маркированной атмосферы можно отнести функцию идентификации, которую выявили 16,9 % респондентов: *затем, что некоторые люди поляки; показывают принадлежность к другой национальности; здесь такие слова могут указывать на национальность героя.* В выявлении функций иноязычных элементов на материале текстов XIX века часть респондентов (9,5 %) также указала на создание не только колорита места, но и колорита времени, например: *данные слова связывают читателя и время, о котором идёт речь в тексте; чтобы передать силу древности в тексте, сделать отсылку к тому времени, передать атмосферу того времени.* Представляется, что данные респонденты могут считать использованные иноязычные элементы устаревшими, что особенно проявляется в ответе *Возможно, во время написания этого произведения использование этих слов было обыденным делом, они были понятны тому кругу лиц, для которых писалось это произведение.*

Следующие функции выявили от 1 до 5 человек, то есть не более 5,2 % от общего количества респондентов: *смысловая (они используются с целью дополнительного понимания сюжета, который описывает автор; для того чтобы раскрыть более точно свою идею, задумку), характеризующая (сделать текст и героев более яркими, выразительными, уникальными, возможно, показать характерные особенности героев и общества; они*

используют автором для того, чтобы придать тексту выразительности и определенного стиля повествования), эмоциональная (автор использовал данные слова для эмоциональной окраски; я думаю, это был художественный прием автора – важно передать настроения самих ситуаций через текст). Названные функции передают отдельные задачи создания художественного образа, воздействия текста на читателя, его эмоциональное состояние, понимание текста и др.

В отдельную группу были вынесены ответы, которые демонстрируют наивное языковое сознание респондентов (12,6 %). Такие читатели уверены, что специальной задачей автора является нравоучительное воздействие на адресата, обучающая роль текста (*обогащение лексики, текста; использованы автором для того, чтобы язык был богатым, культурным, разнообразным; чтобы расширить кругозор читателя*) или даже задача сохранения русского языка (*автор хотел обратить внимание на то, что русский язык уходит в небытие из-за большого количества иноязычных элементов, заставить людей об этом задуматься*). Такие ответы указывают на несформированность профессиональных филологических компетенций у студентов младших курсов филологического факультета. В то же время, некоторые другие единичные ответы очень точно отражают специфику польских иноязычных элементов в русскоязычном художественном дискурсе XIX века: *Не знаю, может, он хотел добавить какую-то изюминку? А еще, насколько я знаю, раньше было модно изучать ин. языки, возможно, что эти тексты были написаны для людей из высшего общества*.

Подведем итоги. Существенную роль в идентификации текстовой единицы как элемента польского происхождения играет его фонетический состав и графическая форма. Наличие «грубого звучания», «малогласия» оказывает значительное влияние на идентификацию лексем как полонизмов. При этом важным оказывается возможность или невозможность опознать лексическое значение слова в предлагаемом контексте, понимание значения слова как принадлежащего к польскому миру без опознавательных фонетических маркеров способствует включению его в группу заимствованных слов. Эксперимент показал, что имена собственные, самоназвания, онимы различных видов, равно как и иноязычные аффиксы, занимают особое положение в системе языка и в языковом сознании носителей языка, к ним применяются другие критерии в определении степени «чуждости». Нулевые вкрапления не идентифицируются как иноязычные элементы. Частичные вкрапления подчиняются тем же правилам восприятия, что и лексические полонизмы. Полные польские вкрапления, то есть элементы текста, переданные средствами польской графики, чаще всего указываются как иноязычные. Однако здесь работает обратный, нежели при восприятии лексических полонизмов, закон: чем непонятнее значение данного фрагмента, тем выше индекс «чужеродности». Проведенный эксперимент показал, что некоторые начинающие филологи

демонстрируют наивное языковое сознание при определении функций иноязычных элементов в художественном тексте и что при выявлении прагматики текста реципиенты опираются не только и не столько на предъявленный контекст, сколько на свой читательский опыт в целом.

Литература

- АКУНИН 2017 = АКУНИН Б. Седмица Трехглазого: [роман, пьеса]. Москва, 2017.
- БАС 1959 = Словарь современного русского литературного языка. Т. 9. Под ред. Н.З. Котеловой и Г.А. Качевской. Москва – Ленинград, 1959.
- БОРИСОВА 2009 = БОРИСОВА О.С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятии носителей: на материале лексики русского и китайского языков конца XX – начала XXI в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Бийск, 2009.
- ВИНОГРАДОВ 1956 = ВИНОГРАДОВ В.В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Вопросы языкознания. 1956. № 1. 3–25.
- ВИНОГРАДОВ 1959 = ВИНОГРАДОВ В.В. О языке художественной литературы. Москва, 1959.
- ГРОТ 1899 = ГРОТ Я.К. Труды Я.К. Грота. Т. 2: Филологические разыскания (1852–1892). Санкт-Петербург, 1899.
- ЗАЛЕВСКАЯ 2005 = ЗАЛЕВСКАЯ А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. Москва, 2005.
- КОРОЛЕНКО 1954 = КОРОЛЕНКО В.Г. История моего современника // Собр. соч. в 10 томах. Том 5. Москва, 1954.
- КРЫЛОВ 2005 = КРЫЛОВ Г.А. Этимологический словарь русского языка. Санкт-Петербург, 2005.
- ЛИСТРОВА-ПРАВДА 2001 = ЛИСТРОВА-ПРАВДА Т.Н. Иноязычные вкрапления-библеизмы в русской литературной речи XIX–XX вв. // Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки. 2001. № 1. 119–139.
- ЛОТМАН 1992 = ЛОТМАН Ю.М. Текст в тексте // Избр. статьи в трех томах. Том I. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин, 1992. 149–160.
- МАС 1999 = Словарь русского языка: В 4-х тт. РАН, Ин-т лингвистич. исследований. Под ред. А.П. Евгеньевой. Москва, 1999.
- МИЛЕЙКОВСКАЯ 1984 = МИЛЕЙКОВСКАЯ Г. Польские заимствования в русском литературном языке XV–XVIII вв. Варшава, 1984.
- ОСТРОВСКИЙ 2018 = ОСТРОВСКИЙ Н.А. Как закалялась сталь. Москва, 2018.
- УРАЗБЕКОВА 2020 = УРАЗБЕКОВА А.А. Включения из польского языка в русском художественном тексте XIX века (на примере романа В. Крестовского «Кровавый пух») // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2020. № 3. 60–67.
- ФАСМЕР 1964–1973 = ФАСМЕР М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. 2-е изд. Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.
- ХОРЕВ 2000 = ХОРЕВ В. Имагология и изучение русско-польских литературных связей // Поляки и русские в глазах друг друга. Отв. ред. В. А. Хорев. Москва, 2000. 22–31.
- ШАНСКИЙ 2004 = ШАНСКИЙ Н.М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. 3-е изд., испр. Москва, 2004.

ШЕТЭЛЯ 2008 = ШЕТЭЛЯ В.М. Историко-этимологический словарь полонизмов русских текстов XIX–XX вв. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва, 2008.

ШИШОВА, ЦАРЕВИЧ 2017 = ШИШОВА З., ЦАРЕВИЧ С. Приключения Каспера Берната в Польше и других странах. Санкт-Петербург – Москва, 2017.

BIELECKA 1993 = BIELECKA J. Zapózyczenia leksykalne z języka polskiego do rosyjskiego. Rzeczowniki. Kielce, 1993.

Interpretation of semantics and functioning of foreign language elements in fiction: linguistic and psycholinguistic aspects. The article analyzes the results of a psycholinguistic experiment devoted to the perception and understanding of foreign-language elements of Polish origin. The regularities of the "alienness" degree interpretation of the presented word from the type of the presented borrowing (polonism, exoticism, inclusion) and the possibility of identifying its meaning in the context are established.

Keywords: Polonism, borrowed word, foreign language inclusion, perception and understanding, fiction, psycholinguistic experiment